

Игумен Лука (Степанов)

Кризис религиозного сознания в России в 1917 году (по материалам опубликованных архивных документов, периодической печати, дневников)

DOI: 10.24411/1814-5574-2020-10051

Аннотация: В статье анализируются процессы кризиса религиозности и традиционного монархического сознания в России после отречения Николая II от престола в результате Февральской революции 1917 г. Рассматривается реакция клириков и мирян на факт отречения царя, суждения в отношении верности присяге, данной императору, и в целом процесс десакрализации царской власти. Приводятся реплики на происшедшие события, прозвучавшие в различных епархиях. Особое внимание уделяется настроениям отдельных клириков, при этом используются источники личного происхождения, например дневники архиеп. Никона (Рождественского). Прослеживается конфессиональная политика Временного правительства, ситуация в провинции и армии.

Ключевые слова: монархия, православие, император, царь, Святейший Синод, священник, церковь, Временное правительство, отречение, свобода.

Об авторе: **Игумен Лука (Степанов Игорь Ильич)**

Кандидат исторических наук, доцент кафедры теологии Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина.

E-mail: Ig.Stepanov@365rsu.edu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7466-3304>

Ссылка на статью: Лука (Степанов), игумен. Кризис религиозного сознания в России в 1917 году (по материалам опубликованных архивных документов, периодической печати, дневников) // Христианское чтение. 2020. № 3. С. 116–125.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE
[Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 3

2020

Abbot Luke (Stepanov)

The Crisis of Traditional Religiosity in Russia in 1917
(Based on Published Archival Documents,
Periodicals, and Diaries)

DOI: 10.24411/1814-5574-2020-10051

Abstract: The article analyzes the processes of the crisis of religiosity and traditional monarchical consciousness in Russia after the abdication of Nicholas II as a result of the February Revolution of 1917. The reaction of clergy and laity to the abdication of the tsar, judgments regarding the allegiance to the oath given to the emperor, and the whole process of desacralization of the tsar are examined. The opinions of officials concerning events that occurred in various dioceses are given. Particular attention is paid to the mood of individual clerics based on sources of a personal origin, for example, the diaries of Archbishop Nikon (Rozhdestvensky). The religious policy of the Provisional Government and the situation in the provinces and the army are also examined.

Keywords: monarchy, orthodoxy, emperor, tsar, Holy Synod, priest, church, Provisional Government, abdication, freedom.

About the author: **Abbot Luke (Stepanov Igor Ilyich)**

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Theology at S. A. Yesenin Ryazan State University.

E-mail: Ig.Stepanov@365rsu.edu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7466-3304>

Article link: Luke (Stepanov), Abbot. The Crisis of Traditional Religiosity in Russia in 1917 (Based on Published Archival Documents, Periodicals, and Diaries). *Khristianskoye Chteniye*, 2020, no. 3, pp. 116–125.

Вынужденное отречение от престола императора Николая II в результате Февральской революции не могло не повлиять на Церковь, поскольку царь фактически являлся ее главой. Как известно, он назначал главу Св. Синода, утверждал другие ответственные церковные назначения, лично награждал иерархов и подписывал все важнейшие постановления Синода. Такое положение вещей, равно как и его упразднение после отречения, не могло не отразиться в разнообразных реакциях в церковном народе. Рассмотрим последовательно эту ситуацию.

Так, уже 4 марта 1917 г. на первом заседании Св. Синода при Временном правительстве в момент выноса царского кресла прозвучало известное высказывание архиепископа Новгородского и Старорусского Арсения (Стадницкого): «Вот, выносят символ цезарепапизма!». При выносе трона принимали участие иерархи, члены Св. Синода, в числе которых — будущий новомученик митр. Владимир (Богоявленский) (Бабкин, 2006, 54–55).

В епархиях и приходах начинают звучать приветствия в адрес Временного правительства и обвинительные панегирики в отношении свергнутой монархии. Например, в воззвании Подольского епархиального съезда «К православным жителям Подолии» 18–23 апреля 1917 г. звучал такой призыв: «Православные граждане Подоляне! Совершилось великое событие в жизни нашей Родины и нашей дорогой Подолии! Лучшие люди страны низвергли старый строй и дали нам свободу, о которой долго, долго думали лучшие люди — сыны отечества... Вам выпала счастливая доля самим устроить вашу жизнь на новых началах... Старый строй не давал свободы в устроении приходской жизни. Теперь не то: прихожане каждого храма могут свободно устроить свою приходскую жизнь на новых началах свободы...» (Бабкин, 2006, 384–385).

Подобные настроения особенно наглядно были выражены в статье «Православная Церковь и государственный переворот», написанной членом Государственного Совета, профессором богословия, прот. Тимофеем Буткевичем: «Рухнул много веков существовавший в России образ государственного управления в форме царского самодержавия! Совершился великий, неповторимый в истории переворот в лице русского народа. Как же может относиться к нему Православная Церковь и в какое отношение к новому государственному нашему строю должны стать ее члены? Пока мы видим, что наш Св. Синод уже обнародовал свое успокоительное послание; на церковных богослужениях мы не слышим так часто повторявшихся в прежнее время имен царя, его матери, супруги и сына-наследника. Что же это? Измена Церкви или трусость Св. Синода пред нашим Временным правительством? — Ни то, ни другое. Церковь в этом случае поступила лишь со свойственным ей сознанием своего достоинства и в полном согласии с учением Божественного Откровения. Церковь Христова, по учению своего Основателя (Ин 18:36), есть „Царство не от Мира сего“... Она находила для себя возможным мириться со всякой формой образа государственного управления и могла развивать свою плодотворную деятельность как в монархических, так и в республиканских государствах. И та, и другая форма государственного строя для нее была безразлична, как дело временное и человеческое... Произведенный у нас переворот невольно заставляет нас вспомнить историю еврейских царей, и в особенности царствование злосчастного Саула. Вдумайтесь в него, и вас поразит его сходство с царствованием последнего русского императора. Николай II — также помазанник Божий; но Дух Господень отступил от него, как отступил Он и от Саула, и отверг его Господь от Себя, чтобы он не царствовал более над Россией... Низложение Николая II произошло несомненно по воле Божией... Не упрекайте Православную Церковь, будто она рабски молчала, претерпевая несправедливости со стороны самодержавного правительства. Она, правда, несла свой крест безропотно, неизменно молилась за своих угнетателей; но кто не затыкал своих ушей, то слышал ее стон. О тяжелых страданиях, причиненных самодержавием, ясно говорит каждому уже один длинный мартирологий наших страдальцев-святителей...» [Белякова, 2004, 177–178, 180, 182]. Аналогичные настроения высказывались еще в 1905 г. епископом Нарвским Антонином (Грановским), утверждавшим в статье «Православие и 17 октября», что «православие

и самодержавие не только органически не связаны между собою, напротив, они взаимно отталкивают друг друга» [Бабкин, 2006, 390].

На основании некоторых документов можно предположить, что значительная часть духовенства приняла происшедшие изменения, видя в них возможность освобождения от синодального контроля государственной власти в лице обер-прокурора. В Декларации, принятой Всероссийским съездом духовенства и мирян в июне 1917 г., говорилось: «Приветствуем совершившийся политический переворот. Чтим, как граждане, память самоотверженно пострадавших и умиравших за права народа и благословляем имена живых, ставших во главе народного движения к свержению прежней, потерявшей общее доверие власти. Хотя христианская Церковь может существовать при всяком государственном устройстве, но возвышенному христианскому понятию о человеческой личности и церковному началу соборности признаем более соответствующим то государственное управление, при котором народовластие осуществляется во всей полноте» [Титлинов, 1924, 63].

Большинство клириков полагало, что своим отречением от престола император Николай II как бы всех освободил от присяги ему. Стремясь обосновать законный характер новой власти, православные идеологи той поры заявляли: «Отрекшись от престола, бывший наш государь передал законным порядком власть своему брату, в свою очередь отрешившись от власти до окончательного решения Учредительного собрания. Брат государя законным же порядком передал власть Временному правительству и тому правительству постоянному, которое будет дано России Учредительным собранием. Итак, мы теперь имеем вполне законное Временное правительство, которое является властью предержавшей, так называет ее Слово Божье. Этой власти ныне единой, верховной и всероссийской мы обязаны повиноваться по долгу религиозной совести, обязаны за нее молиться, обязаны повиноваться и власти местной, от нее поставленной» (Православный благовестник, 1917, 27, № 5–12).

Справедливости ради нельзя не отметить, что были суждения и другого рода. Отречение и арест Николая II вызвали и защитную реакцию среди духовенства. Так, Св. Синод отказал обер-прокурору Н. П. Раеву и его заместителю князю Н. Д. Жевахову в выпуске обращения к народу в поддержку царя и династии. Кроме того, епископ Пермский и Кунгурский Андроник (Никольский) в марте 1917 г. публично выступил в поддержку монархического строя. Его имя оказалось одним из первых в списке новомучеников и исповедников российских. Из состава Св. Синода были исключены убежденные монархисты митрополиты Макарий (Невский) и Питирим (Окнов).

И все же в среде церковной иерархии проявлялись признаки всеобщей растерянности и распада после непонятого для многих отречения от власти Николая II, цесаревича Алексея и великого князя Михаила. Манифест об отречении вызвал тревогу иерархов, поскольку они из исторического опыта знали, что республиканскому правлению нередко сопутствует ярко выраженная секулярная политика.

В письме членам Св. Синода группы православных христиан в марте 1917 г. говорилось буквально следующее (орфография и пунктуация сохранены): «Мы православные христиане, усерднейше просим разъяснить нам в газете „Русское Слово“ что означает в предстательстве пред Господом Богом присяга, данная нами на верность Царю Николаю Александровичу? У нас идут разговоры, что ежели эта присяга ничего не стоит, то ничего не будет стоить и новая присяга новому Царю. Так ли это, и как надобно все это понимать?.. Жиды говорят что присяга ерунда и обман, что можна и без присяги, попы молчат, а миряне каждый посвоему, а это не годится. Опять же стали говорить что Бога нету совсем а церкви скоро закроются по нендобности. А мы по своему думаем зачем же закрывать иному при церкви жить лучше. Теперь сничтожили Царя плохо стало, а ежели прикрыть церкви еще хуже того будет, а нам нада чтобы лучше было. Потрудитесь нам СВЯТЕЙШИЕ ОТЦЫ НАШИ разъяснить для всех одинаково как быть с старой присягой и с той которую принимать заставют? Которая присяга должна быть милее Богу первая аль вторая? Потому как Царь не помер а живой в заточении, находится. И правильно ли что все

церкви по закроются? Где же нам тогда молится Господу Богу? Неужто идти к жидам в одну компанию и с ними молится? Потому как теперь вся ихняя стала власть и которую они над нами бахвалются. Ежели эдак все будет и дальше то это не хорошо, и мы очень недовольны» (Бабкин, 2006, 384–385). Из этого можно сделать вывод, что часть духовенства постепенно осознала, что отречение от престола было произведено под давлением.

Случались и определенные коллизии, связанные со смутной ситуацией. Из доклада члена Поместного Собора Русской Православной Церкви священника Калужской епархии Василия Беляева на заседании Подотдела соборного Отдела «О церковной дисциплине» мы узнаём, что в первой половине марта к нему обратилась одна из учительниц земских школ с требованием категорического ответа на вопрос, свободна ли она от присяги, данной императору Николаю II. Если не свободна, то просила освободить, с тем, чтобы ей была дана возможность со спокойной совестью работать в новой России. В мае месяце он имел публичный разговор с одним из старообрядцев, который всех православных называл клятвопреступниками за то, что они, не будучи освобождены от присяги императору Николаю II, признали Временное правительство. Наконец, в сентябре месяце автору доклада поступило от одного из священников письмо с просьбой возбудить вопрос пред членами Собора об освобождении православных верующих от присяги, данной Николаю II при вступлении его на престол. В результате о. Василий Беляев закончил свой доклад вопросом: «И если на нас лежит грех клятвопреступничества, то не должно ли Собору освободить совесть верующих?» [Белякова, 2004, 464–465].

Продолжая разговор о революционных преобразованиях религиозной жизни, также следует упомянуть и о том, что Временным правительством в порядке обеспечения свободы совести был проведен ряд реформ, направленных на то, чтобы уравнять в правах все религии, существовавшие в России. Было принято Постановление «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений» от 22 марта 1917 г. (Сборник указов и постановлений, 1918).

В июле 1917 г. недавно назначенный обер-прокурор Синода В. Н. Львов был отправлен в отставку. Керенский назначает нового обер-прокурора — проф. А. В. Карташева, создает министерство по делам вероисповеданий. В школах было отменено обязательное преподавание Закона Божьего, церковно-приходские школы передавались из-под юрисдикции Церкви министерству школ. За это выступали либералы еще в дореволюционной Думе, был принят соответствующий законопроект, но он не прошел через Госсовет. Закон Божий Временное правительство отменить не решилось. Из бывших членов Синода остался только архиеп. Сергей (Страгородский). «Чистка» коснулась епархиальных архиереев и рядовых священников. Начались выборы архиереев на альтернативной основе. На местных съездах духовенства и мирян одиннадцати «консервативным» владыкам были вынесены вотумы недоверия. Дело дошло до того, что прихожане получили возможность отстранять настоятелей от руководства приходами. Низы Церкви стали выступать против «церковной знати». Наиболее скандальный характер имели выборы правящего архиерея, состоявшиеся в Рязанской и Екатеринбургской епархиях. Их последствия Синоду пришлось регулировать длительное время [Рогозный, 2008].

Для понимания ситуации кризиса церковной организации, происходящего на фоне общенационального кризиса, представляют интерес наблюдения очевидцев из церковной среды. Любопытны, например, высказывания архиеп. Никона (Рождественского), изложенные в его дневниках, которые были опубликованы в 1917 г. в Троице-Сергиевой лавре. Архиеп. Никон был заметной в церковной среде личностью. В 1913 г. был рукоположен в сан архиепископа и назначен председателем новообразованного Издательского совета при Святейшем Синоде. В мае 1913 г. принимал участие в осуждении и депортации русских афонских монахов, исповедующих «имяславие», из Андреевского скита. В 1916 г. отошел от активной деятельности, по собственному прошению был уволен с должности председателя Издательского

совета и удалился на служение в Троице-Сергиеву лавру. Там издал книгу С. Нилуса «Близ есть, при дверех».

В «Моих дневниках» архиеп. Никон, местами используя определения святителя Московского Филарета, пишет буквально следующее: «...Россия в своих членах вся „вывихнулась“, русские люди забыли „свои места и пределы“... „воин хочет законодательствовать“, а с фронта бежит; „непризнанный Церковью, поставляет себя учителем веры“ и не хочет знать Церковью поставленных учителей; каждый юнец судит о том, нужно ли учить закону Божию в школах, и готов решать судьбы школ, даже Церкви принадлежащих; каждый полуграмотный считает себя вправе, во имя бессмысленной свободы, всякого неразумного слова быть проповедником какой угодно веры, какого угодно политического устройства; не только поселяне, но и все поголовно русские грамотеи заразились страстью болтать, что кому вздумается. Вообразили себя умниками, пишут, печатают, говорят без конца и без числа, так, что уж умным людям приходится поневоле молчать... И чем больше засилья берет большинство, тем менее свободы для людей наиболее честных, благоразумных, скромных и добросовестных... Руководители нынешней духовной печати все твердят, что Церковь есть Тело Христово, а потому всякий член ее имеет право — пуще всего право, а не долг — деятельно участвовать в жизни Церкви. И требуют этого участия, прежде всего, в разных выборах на должности: овцы сами себе выбирают пастырей, и даже архиереев, духовные дети — своих духовных отцов; удивляться надо: почему учащиеся не выбирают еще себе учителей?... Допущены же к выбору святителей и „студенты духовных академий“ и простые мужички, представители приходов, которые, не говоря уже о том, что понятия не имеют о служении святительском, — в глаза не выдвигали кандидатов архиерейства, а должны будут „подать голос“ за того или другого... Большинство никогда не выдвигало в глаза тех кандидатов, за кого голосовали, а спрашивали соседей: „Вы за кого?“ — „За того-то“ — „Ну и я то же“. Вот и образовалось большинство, и архиерей избран... Выборное начало вытолкнуло многих из своей колеи и втянуло их в чужую, им не свойственную, где они и обнаруживают всю свою непригодность для той цели, с какою выбраны; между тем, нелегко лишить их тех прав, какими облачают их избиратели, хотя избиратели и не думали, чтобы они стали так злоупотреблять этими правами» (Рождественский, 2000, 417–419).

Всему этому был пример. Газета «Братская Русь» в № 65 за 1917 г. писала, как псаломщик, выбранный на съезд епархии, облагодетельствованный викарным епископом, вдруг на предсъездовском бюро подступает к этому епископу, годами почтенному и характером мягкому, и кричит: «Ты разве архиерей? Ты — не архиерей, а служитель сатаны!». Позже проник этот избранник от псаломщиков в редакцию местного церковного печатного органа и стал там действовать по части «писательства». Да так, что духовенство стало открещиваться от своего издания и присылать заявления, чтобы издание это больше не высылалось.

Революция 1917 г. меняет политические ориентиры некоторых консерваторов от Церкви. Любопытна в этом плане судьба еп. Никона (Бессонова), некогда епископа Кременецкого, первого викария Волынской епархии, активного участника черносотенного движения, члена IV Государственной Думы от Волынской губернии, активного критика аграрной политики правительства. После призыва к дворянству отказаться от землевладения в пользу крестьян, чем удостоился внимания Ленина, в 1913 г. был переведен архиереем на Енисейскую кафедру. При этом добился сохранения за собой депутатского мандата. Февральскую революцию встретил восторженно, полагая, что страна готова стать республикой. В марте 1917 г. вступил в партию кадетов. Разочаровавшись в церковном служении, в июле 1917-го решил снять сан. Просил министра П. Н. Милюкова помочь найти ему подходящее место для работы консулом или его помощником подальше от России, чтобы заниматься публицистикой или литературой. В августе 1917-го Св. Синод удовлетворил его просьбу. В связи с этим отправил председателю Государственной Думы М. В. Родзянко телеграмму, в которой подтвердил свою готовность исполнять депутатские функции. Позже женился на своей бывшей ученице из епархиального училища [Зима, 2017, 117].

Но все же дальнейшая конфессиональная политика Временного правительства вызвала в церковных кругах недовольство. Большинство полагало, что государство должно сохранить свои обязательства по отношению к Православной Церкви и освободить ее от стеснительной опеки. Церковь представлялась им самостоятельным институтом. Подобные настроения нашли свое отражение в документах I Всероссийского съезда духовенства и мирян, проходившего летом 1917 г. Съезд потребовал обязательного изучения Закона Божьего. Съезд получал потоки воззваний от приходов, призывавших к продолжению войны до победы, подписке на военный заем. Лишь Всероссийский христианский совет направил пацифистскую резолюцию в адрес съезда с осуждением войны. Треть писем касалась низкого материального уровня жизни священства. Предлагался даже вопрос об участии женщин в богослужении: о праве женщин входить в алтарь, о возрождении чина диаконис [Белякова, 2004, 464–465].

Стремительные политические и экономические потрясения, люмпенизация населения, неопределенность мировоззренческих установок, деформация религиозного сознания стали благоприятной почвой для революционной пропаганды. Негативные процессы, вызванные войной, общая нестабильность в государстве усиливали в сознании людей настроения тотального недовольства. В 1917-м участились факты недовольства военными священниками, особенно в запасных частях, расположенных в тылу, поскольку антицерковная пропаганда велась там интенсивнее. В солдатской среде появились антицерковные частушки, оскорблявшие религиозные чувства верующих. Усилились упреки Церкви в том, что она мало жертвует для фронта. Хотя Церковь постоянно направляла немалые средства нуждающимся раненым, семьям погибших воинов, беженцам из оккупированных территорий, содержала приюты для воинов-инвалидов и детей-сирот. Все чаще возникали противоречия между командирами полков и священниками. Командиры жаловались на неисполнение священниками своих прямых обязанностей. Протопресвитер армии и флота Георгий Щавельский получал огромный объем корреспонденции с подобными жалобами. Положение военных священников стало невыносимым и потому, что Временное правительство, объявившее свободу вероисповедания, не признавало военного священства.

В воззвании «К воинам-гражданам великой Русской Армии» Всероссийского съезда военного и морского духовенства 1–2 июля 1917 г. были такие строки: «...Ужель Россия гибнет потому, что хлебнула свободы, вкусила новой жизни? Да не будет! Ведь для того-то и умирали, гибли русские люди, для того-то волею Божию и их трудами Россия призвана к свободе, чтобы спастись свободой от развала, к которому вела Россию старая власть. Не свобода губит Россию, а наша непривычка к свободе. Как птица, если ей на долгое время связать крылья, разучается летать, так русский народ, живший века в тяжелой неволе, под постоянной охраной, опьянел, вырвавшись из темницы и глотнув чистого воздуха свободы. У всех закружилась голова. Вместо свободы русские люди впали в своеволие. „Нет закона, нет власти, что хочу, то делаю, чего не хочу, к тому никто не вправе меня принудить“ — вот как понял свободу русский человек, вчерашний раб, призванный неожиданно к свободе» (Бабкин, 2006, 372).

В отличие от «шаловой» радости столиц на отречение императора, хорошо отраженной в статье Питирима Сорокина «Заметки кабинетного человека» (Сорокин, 2016, 45–47), провинциальная Россия и часть рядового состава армии (по своей сути это были крестьяне) находились в состоянии дезориентации. В отчете Временному правительству о реакции армии на отречение царя генерал М. В. Алексеев отмечал, что многие к этому отнеслись с грустью и сожалением. Солдаты высказывали мнение, что без царя обойтись нельзя и надо скорее выбирать государя. В Сибирской казачьей дивизии Сводного корпуса манифесты произвели удручающее впечатление. «Манифест Великого князя Михаила Александровича был встречен с недоумением и вызвал массу толков и даже тревогу за будущий образ правления» (Красный архив, 1927, 62). Эти же настроения были отмечены князем Н. Д. Жеваховым (Жевахов, 1993, 327). Однако после падения монархии и опубликования Приказа № 1 началось разложение старой армии. «Солдат решил, что раз царя не стало, то не стало и царской

службы, и царскому делу — войне — наступил конец. Он с готовностью умирал за царя, но не желал умирать за „господ“. Офицер, призывавший солдата защищать Родину, становился ему подозрителен. Раз была объявлена „свобода“, то кто имел право заставлять его, солдата, проливать кровь на фронте, когда в тылу рабочие провозгласили восьмичасовой день, а односельчане готовились поделить землю помещика?» (Красный архив, 1927, 235).

«Трагическим для русского православия являлось совпадение кризисных явлений в Церкви с процессами десаκραлизации самодержавной власти. Дискредитация членов императорской семьи напрямую затрагивала Церковь, которая молилась за дом Романовых за каждым богослужением, напоминая тем самым своей пастве о богоустановленности падающего самодержавия. Поэтому „развенчание царя“, отречение его от трона в глазах общественности означало и „развенчание“ Церкви. Падение царства знаменовало крах всей системы церковно-государственных отношений» [Белоус, 2019, 129].

Участились случаи нападений вооруженных дезертиров на монастыри. Настоятельница женского Воскресенско-Покровского монастыря Лужского уезда Петроградской губернии монахиня Мария даже обращалась с письмом к министру П. Н. Милюкову с просьбой направить к ним верующего члена Государственной Думы, который помог бы утихомирить распоясавшихся хулиганов. Кстати, в монастыре содержались 120 осиротевших солдатских детей [Зима, 2017, 116].

Весной и летом 1917 г., на фоне получившего широкое распространение процесса отхода общества от Церкви, среди паствы появились воинствующие антиклерикальные настроения. На приходах происходили массовые изгнания клириков. Прихожане возмущались установленными платами за совершение священниками треб, бесконтрольностью распределения церковных денег, нередко и безнравственной жизнью своих пастырей. Получили широкое распространение сведения личных счетов и различные интриги. В различных епархиях число изгнанных священников исчислялось десятками и сотнями. Например, в Киевской и Волынской епархиях в течение трех первых недель апреля по решениям сельских обществ было удалено со своих мест по 60 священников, в Саратовской — 65; в Пензенской губернии было изгнано 70 церковных пастырей, что составляло 5–10 % от общего числа приходских священников названных епархий (Бабкин, 2006, 48–49).

Наиболее важным событием в развитии государственно-церковных отношений в России и для религиозной жизни православных верующих стал созыв Поместного Собора, сессии которого длились с 15 августа 1917 г. по 1 сентября 1918 г. Поместные соборы не собирались на протяжении всего синодального периода управления Церковью, что накапливало недовольство в церковной среде. После того как был свергнут формальный глава Православной Российской Церкви — император, радикально изменились социально-экономические и политические условия в России, Церкви было необходимо выработать новую стратегию и создать новые организационные структуры. Важным было восстановить патриаршество. Оно символизировало возрождение соборного начала в жизни Церкви, ее независимость от государства. Патриарх рассматривался как оплот новой церковной организации. В условиях изменившегося политического строя Собор демонстрировал попытку осмысления реалий. В этом плане примечательно выступление на Соборе свящ. Владимира Востокова 22 января 1918 г., в дни, когда принимался «Декрет о свободе совести»: «...Настал момент, когда Собор, как единственно законное и действительно избранное народом собрание, должен сказать народу святуго правду, не боясь никого, кроме Бога одного... Сталкивание исторического поезда с пути произошло в конце февраля 1917 года, чему содействовала, прежде всего, еврейско-масонская всемирная организация, бросившая в массы лозунги социализма, лозунги призрачной свободы... Собор должен сказать, что в феврале-марте произведен насильственный переворот, который для православного христианина есть клятвопреступление, требующее очищения покаянием. Всем нам, начиная с Вашего Святейшества и кончая мною — последним членом Собора,

должно преклонить колена пред Богом и просить, чтобы Он простил нам наше попустительство развитию в стране злых учений и насилия. Только после всенародного искреннего покаяния умирится и возродится страна, и Бог возвысит нам Свою милость и благодать... Единственное спасение русского народа — православный русский мудрый царь. Только через избрание православного, мудрого, русского царя можно поставить Россию на путь добрый, исторический и восстановить добрый порядок. Пока же у нас не будет православно-мудрого царя, не будет у нас и порядка, а будет литься народная кровь...» (Собрание определений и деяния, 1996, 41–44).

Убийство 17 июля 1918 г. большевиками царской семьи стало последней точкой отречения значительной части русского общества не только от монархии, но от прежней, исторической России. Расстрел Николая II и его семьи 17 июля 1918 г. вызвал не только шок у части российского общества, но и способствовал массовому вовлечению людей в беззаконие.

В завершение статьи можно сделать вывод о том, что в эту смутную эпоху для большей части российского социума налицо была десакрализация царской власти и Церкви. Тем не менее, по мнению О. С. Поршневой, драматизм дальнейших событий связан с тем, что десакрализация монархии произошла «при сохранении в ментальности крестьян архетипичного образа верховного правителя. Иными словами, в 1917 г. царская власть была свергнута, но в сознании крестьян идея абсолютного правления осталась. Поэтому коллегиальное Временное правительство было обречено на неудачу. Пришедший на авансцену вождь большевизма более соответствовал архетипу крестьянского сознания» [Поршнева, 2000, 261]. Однако сам по себе кризис монархической идеи и политическая смута привели к падению традиционных духовных опор русского народа, в силу чего его религиозность была существенно поколеблена и на долгие годы он вошел в состояние кризиса духовного.

Источники и литература

Источники

1. Бабкин (2006) — Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. Материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви / Сост. М. А. Бабкин. М.: Индрик, 2006.
2. Жевахов (1993) — *Жевахов Н. Д.* Воспоминания: в 2 т. М., 1993. Т. 1.
3. Красный архив (1927) — Красный архив. М.; Пг., 1927. Т. 2(21).
4. Православный благовестник. 1917. № 5–12.
5. Рождественский (1992) — *Никон (Рождественский), архиеп.* Мои дневники: в 2 ч. Алматы, 2000. Т. 2.
6. Сборник указов и постановлений (1918) — Сборник Указов и Постановлений Временного правительства. Вып. 2, ч. 2. Пг., 1918.
7. Собрание определений и деяния (1996) — Собрание определений и деяния Священного Собора Православной Российской Церкви. 1917–1918 гг. М., 1996. Т. 6. Деяние 67.
8. Сорокин (2016) — *Сорокин П. А.* Неизвестные газетные статьи 1917 г. М.: Перо, 2016.
9. Церковный вестник. Пг., 1917. № 9 –17.

Литература

10. Белоус (2019) — *Белоус П. В.* Тобольская епархия в годы Первой мировой войны (1914–1918). Тюмень: Изд-во ТГУ, 2019.
11. Белякова (2004) — *Белякова Е. В.* Церковный Суд и проблемы церковной жизни. М., 2004.

12. Гераськин (2017) — *Гераськин Ю. В.* Февраль 1917-го и ситуация в Рязанской епархии // *Рязанский богословский вестник*. 2017. № 1(15). С.49–55.
13. Зима (2017) — *Зима В. Ф.* Русская Православная Церковь в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. М., 2017.
14. Иванов — *Иванов А.* Епископ-революционер. URL: <http://ruskline.ru/history/2016/06/28/episkoprevolyucioner/> (дата обращения: 17.05.2020).
15. Керсновский (1992) — *Керсновский А. А.* История Русской Армии: в 4 т. М., 1992. Т. 4.
16. Поршнева (2000) — *Поршнева О. С.* Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат в период Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Екатеринбург, 2000.
17. Рогозный (2008) — *Рогозный П. Г.* Церковная революция 1917 года (Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции). СПб., 2008.
18. Титлинов (1924) — *Титлинов Б. В.* Церковь во время революции. Пг., 1924.
19. Фирсов (2002) — *Фирсов Л. С.* Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х — 1918 гг.). М., 2002.